

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ . . .	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
I. ПОЧЕМУ ПОСТДЕМОКРАТИЯ?	16
II. ГЛОБАЛЬНАЯ КОМПАНИЯ: КЛЮЧЕВОЙ ИНСТИТУТ ПОСТДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МИРА	49
III. СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ В ПОСТДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	74
IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТДЕМОКРАТИИ	93
V. ПОСТДЕМОКРАТИЯ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСТВА	102
VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?	131
ЛИТЕРАТУРА	155
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Колин Крауч. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства?	161
Приватизированное кейнсианство, корпорации и демократия. <i>Беседа Артема Смирнова с Колином Краучем . . .</i>	186

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание «Постдемократии» увидело свет в Английской и итальянской версиях в 2004 году. С тех пор книга была переведена на испанский, хорватский, греческий, немецкий, японский и корейский языки. И я рад, что теперь она переведена еще и на русский язык, который полвека тому назад я учил в школе и который я всегда любил.

Не могу сказать, что моя книга где-то стала «бестселлером», но для того, кто обычно пишет академические книги, которые не привлекают внимания нигде, кроме академических журналов, непривычно, когда его книга удостоивается внимания средств массовой информации и политических комментаторов. Это касалось преимущественно немецкого, итальянского, английского и японского изданий. Это не стало для меня неожиданностью и казалось вполне объяснимым: идея постдемократии ориентирована на страны, где демократические институты глубоко укоренены, население, возможно, пресытилось ими, а элиты ловко научились ими манипулировать.

Под постдемократией понималась система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, оставались на своем месте. Это было обусловлено несколькими причинами:

- Изменениями в классовой структуре постиндустриального общества, которые порождают множество профессиональных групп, которые, в отличие от промышленных рабочих, крестьян,

государственных служащих и мелких предпринимателей, так и не создали собственных автономных организаций для выражения своих политических интересов.

- Огромной концентрацией власти и богатства в многонациональных корпорациях, которые способны оказывать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах, хотя они и имеют огромные ресурсы для того, чтобы в случае необходимости попытаться манипулировать общественным мнением.
- И — под действием обеих этих сил — сближением политического класса с представителями корпораций и возникновением единой элиты, необычайно далекой от нужд простых людей, особенно принимая во внимание возрастающее в XXI веке неравенство.

Я не утверждал, что мы, жители сложившихся демократий и богатых постиндустриальных экономик Западной Европы и США, уже вступили в состояние постдемократии. Наши политические системы все еще способны порождать массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсультантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам. Феминистское и экологическое движение служат главными свидетельствами наличия такой способности. Я пытался предупредить, что, если не появится других групп, способных вдохнуть в систему новую жизнь и породить автономную массовую политику, мы придем к постдемократии.

Даже когда я говорил о грядущем постдемократическом обществе, я не имел в виду, что общества перестанут быть демократическими, иначе я бы говорил о недемократических, а не о постдемократических обществах. Я использовал приставку «пост-» точно так же, как она используется в словах «постиндустри-

альный» или «постсовременный». Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно так же постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, — к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии.

Поэтому я был несколько удивлен, когда моя книга была переведена на испанский, хорватский, греческий и корейский. Демократии в Испании всего четверть века от роду, и кажется, что она там вполне процветает и имеет страстных сторонников как из числа левых, так и из числа правых. То же, казалось, можно было сказать и о Греции с Кореей, хотя обе эти страны имели непростой опыт политической коррупции. Надо ли считать постдемократию реальным явлением в этих странах? С другой стороны, испаноязычные страны Южной Америки и Хорватия, казалось, имели не слишком большой опыт демократии. Если люди ощущали, что с их политическими системами что-то было не так, то были ли это проблемы постдемократии или же это были проблемы самой демократии?

Схожие вопросы возникают и в связи с русским изданием. Разворачиваются ли в этих новых демократиях острые политические конфликты с широким участием масс, которые ограничиваются необходимостью не выходить за пределы демократии? Или они уже перешли к состоянию, когда единая политико-экономическая элита устранилась от активного взаи-

модействия с народом? Русским демократам всегда было сложно бороться с теми, кто обладал огромным богатством и властью, — царской аристократией, аппаратчиками советской эпохи или современными олигархами. Значит ли это, что страна скатится к постдемократии, так и не узнав, что такое настоящая демократия? Или демократия все еще переживает становление, а борьба между ней и старым режимом далека от завершения? Сочтут ли российские читатели мою небольшую книгу чем-то, что имеет отношение к их собственному обществу, или они увидят в ней повествование о проблемах политических систем Запада?

Колин Крауч

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга постепенно выросла из различных тревожных размышлений. К концу 1990-х в большинстве промышленно развитых стран стало ясно, что, какая бы партия ни находилась у власти, на нее постоянно будет оказываться давление со вполне определенной целью: проведения государственной политики в интересах богатых, то есть тех, кто выигрывает от ничем не ограниченной капиталистической экономики, а не тех, кто нуждается в некоторой защите от нее. Приход к власти левоцентристских партий почти во всех странах — членах Европейского Союза, который, как тогда казалось, открывал беспрецедентные возможности, не привел к сколько-нибудь значительным переменам к лучшему. Меня, как социолога, не устраивали объяснения этого со ссылками на измельчание политиков. Дело было в структурных силах: в политике не появилось ничего, что могло бы заменить собой тот вызов, который на протяжении XX века бросал интересам богатых и привилегированных организованный рабочий класс. Численное сокращение этого класса означало возвращение политики к некоему подобию того, чем она всегда была: чему-то, что служило интересам различных привилегированных слоев.

Примерно в это время Эндрю Гэмбл и Тони Райт попросили меня написать главу для книги о «новой социал-демократии», которую они готовили для журнала *The Political Quarterly* и Фабианского общества. Так что я развил эти мрачные мысли в статье «Парабола политики рабочего класса» (*Crouch C. The Parabola of Working Class Politics // Gamble A., Wright T. (eds.). The New Social Democracy. Oxford: Blackwell, 1999. P. 69–83*). Третья глава настоящей книги представляет собой расширенную версию этой статьи.

Как и многих других, в конце 1990-х меня также не устраивал характер нового политического класса, который сложился вокруг правительства новых лейбористов в Великобритании. На смену старым руководящим кругам в партии стали приходиться пересекающиеся сети всевозможных советников, консультантов и лоббистов, представлявшие интересы корпораций, которые искали расположения со стороны правительства. Этот феномен ни в коей мере не ограничивался новыми лейбористами или Великобританией, но проявился в них наиболее ярко, потому что старое руководство Лейбористской партии в начале 1980-х было дискредитировано настолько, что на него уже можно было не обращать внимания.

Многое из того, что известно мне об устройстве политической жизни и ее связях с остальным обществом, я узнал от Алессандро Пиццорно, и когда Донателла Делла Порта, Маргарет Греко и Арпад Саколцай попросили меня написать для юбилейного сборника, который они готовили для Сандро, я воспользовался этой возможностью, чтобы развить эти мысли более строго. Получившаяся в результате статья (*Crouch C. Inrorno ai partiti e ai movimenti, militanti, iscritti, professionisti e il mercato // Porta D. D., Greco M., Szakolczai A. (eds.). Identita, riconoscimento, scambio: Saggi in onore di Alessandro Pizzorno. Rome: Laterza, 2000. P.135–150*) с некоторыми изменениями включена в виде главы IV в настоящую книгу.

Эти две различные темы — вакуум слева в массовом политическом участии из-за упадка рабочего класса и рост политического класса, связанного с остальным обществом по большей части только через деловые лобби, — явно были взаимосвязаны. Они также помогли объяснить то, что все большее число наблюдателей стало считать тревожными признаками слабости западных демократий. Возможно, мы вступали в эпоху постдемократии. Тогда я поинтересовался у Фабианского общества, не было бы им любопытно

обсудить этот феномен. Я разработал понятие постдемократии, прибавил обсуждение того, что казалось мне ключевым институтом, стоящим за этими переменами (глобальная компания), и некоторые идеи относительно того, как обеспокоенным гражданам следует ответить на эти трудности (краткие версии глав I, II и VI). Все это вылилось в брошюру «Как совладать с постдемократией» (*Crouch C. Coping with Post-Democracy. Fabian Ideas 598. London: The Fabian Society, 2000*).

Эта небольшая работа привлекла определенное внимание и попала на глаза Джузеппе Латерца и его одноименного издательства. Ему захотелось опубликовать итальянскую версию этой работы в серии небольших книг по ключевым социальным и политическим вопросам, но он заметил, что готовая брошюра была адресована преимущественно британской читательской аудитории. Поэтому при написании своей новой книги (*Crouch C. Postdemocrazia. Rome: Laterza, 2003*) я решил обратиться к более широкому европейскому контексту, дополнив ее конкретными примерами.

И пока я занимался этим, меня заинтересовала новая тема: коммерциализация образования и других общественных услуг, которая происходила в Великобритании и многих других странах. Моя жена была тогда высокопоставленным чиновником в сфере образования в одном из британских графств. Я видел, как центральное правительство оказывало все более сильное давление на нее и на ее коллег по всей стране, требуя передачи части полномочий и школ частным компаниям и изменения самого понимания и устройства общеобразовательной системы, чтобы ее легко можно было передать таким компаниям и чтобы ею заведовали частные компании, а не государственные ведомства. По схожему сценарию развивались события и в системе здравоохранения и других сферах государства всеобщего благосостояния. Это вызывало

серьезные вопросы относительно идеи гражданства в государстве всеобщего благосостояния. Общие вопросы и конкретные факты, связанные с системой образования, были рассмотрены мной в еще одной брошюре Фабианского общества (*Crouch C. Commercialization or Citizenship: Education Policy and the Future of Public Services. Fabian Ideas 606. London: The Fabian Society, 2003*).

И хотя речь здесь шла о будущем государства всеобщего благосостояния, эти вопросы также были важны для обсуждения проблем демократии. Рост политического влияния глобальных компаний, вакуум слева вследствие упадка рабочего класса и то, как новый политический класс политических консультантов и лоббистов от бизнеса заполнял этот вакуум, помогли объяснить, почему социальная политика государства становилась все более одержимой идеей передачи работы частным подрядчикам. Эти споры также были частью споров о постдемократии и даже служили важным примером практических следствий постдемократии. Поэтому я включил основные общие рассуждения из своей брошюры «Коммерциализация или гражданство» в текст итальянского издания «Постдемократии».

Затем появилась возможность снова опубликовать этот расширенный текст брошюры о постдемократии по-английски в издательстве *Polity*, включив в него еще несколько дополнений, которые учитывали рекомендации рецензентов из издательства и результаты обсуждения итальянского издания. По утверждению некоторых комментаторов, в том числе Джулиано Амато и Микеле Сальвати, в своей книге я говорил не о столько о проблемах демократии как таковой, сколько о проблемах социал-демократии. Ральф Дарендорф сделал схожее замечание, сказав, что я выступал с позиций эгалитарной, а не либеральной демократии. Я бы с этим поспорил. Когда в государствах со всеобщим гражданством избиратели оказывают-

ся оторванными от участия в общественной жизни и пассивно позволяют немногочисленным элитам ограничивать свое политическое участие, это представляет проблему для всех форм серьезной и принципиальной политики. В частности, то, что в экономическую политику правительства вмешиваются различные лобби, обладающие привилегированным политическим доступом к нему, заполняя тот вакуум, который возникает вследствие этой пассивности, и разлагая рынки, в которые так верят неолибералы, должно волновать последних не меньше, чем социал-демократов.

I. Почему постдемократия?

В начале XXI века демократия оказалась в парадоксальном положении. С одной стороны, можно сказать, что она переживает свой всемирно-исторический расцвет. В последнюю четверть века сначала Иберийский полуостров, а затем — и это особенно впечатляет — значительные части советской империи, Южная Африка, Южная Корея и некоторые страны Юго-Восточной Азии и, наконец, Латинской Америки по крайней мере формально перешли к более или менее свободным и честным выборам. И государства, которые в настоящее время имеют подобные демократические механизмы, больше, чем когда-либо прежде. По данным исследовательского проекта под руководством Филиппа Шмиттера, посвященного изучению демократии в мире, количество стран, в которых проводятся сравнительно свободные выборы, выросло со 147 в 1988 году (накануне краха советской системы) до 164 в 1995 году и 191 в 1999 году (Шмиттер, личная беседа, октябрь 2002 года; см. также: Schmitter and Vroouwer, 1999). Если использовать более строгое определение полноценных и свободных выборов, результаты оказываются более двусмысленными: беспорядочный спад с 65 до 43 в период с 1988 по 1995 год, а затем рост до 88 случаев.

Между тем в сложившихся демократиях Западной Европы, Японии, Соединенных Штатов и других стран промышленно-развитого мира, где для оценки его здоровья должны использоваться более тонкие индикаторы, положение выглядит не столь оптимистично.

Достаточно вспомнить президентские выборы 2000 года в Соединенных Штатах, где имелись почти неопровержимые свидетельства серьезных подтасо-

вок результатов голосования во Флориде, приведшие к победе Джорджа Буша-младшего, брата губернатора штата. Помимо немногочисленных демонстраций чернокожих американцев, мало кто выразил недовольство фальсификацией демократического процесса. Многие, по-видимому, считали, что достижение результата — не важно, какого — было необходимо для восстановления уверенности на фондовой бирже и что это было важнее установления того, каким было действительное решение большинства.

Или возьмем, например, недавний доклад, представленный Трехсторонней комиссии — элитарному органу, который сводит вместе ученых из Западной Европы, Японии и США: в нем был сделан вывод, что с демократией в этих странах не все так гладко, как может показаться на первый взгляд (Pharr and Putnam, 2000). Авторы рассматривали проблему преимущественно с точки зрения снижения способности политиков совершать решительные действия вследствие того, что их легитимность оказывалась все более сомнительной из-за снижения явки избирателей. Эта довольно элитистская позиция не позволила им прийти к выводу, что наличие политиков, не пользующихся большим доверием у общества, также может свидетельствовать о проблемах самого общества. Наоборот, по замечанию Патнэма, Фарра и Далтона (Putnam, Pharr and Dalton, 2000), растущая неудовлетворенность общества политикой и политиками может считаться свидетельством здоровья демократии: политически зрелое, требовательное общество ждет от своих нынешних лидеров большего, чем от их почтенных предшественников. Мы еще не раз вернемся в этом важном замечании.

Демократия процветает тогда, когда простые люди имеют возможности для активного участия — посредством обсуждения и автономных организаций — в формировании повестки дня общественной жизни и когда они активно используют такие возможности. Конечно,

нельзя ожидать, что большинство будет самым живым образом участвовать в серьезном политическом обсуждении и формировании повестки дня, а не просто выступать в качестве пассивных респондентов при проведении опросов общественного мнения и осознанно действовать в последующих политических событиях и действиях. Это идеальная модель, которой почти никогда невозможно достичь в полной мере, но, как и все недостижимые идеалы, она задает ориентир. Всегда ценно и полезно рассмотреть, насколько наше поведение соотносится с идеалом, поскольку так мы можем попытаться его улучшить. Нам важно принять именно этот подход к демократии, а не более общий, который обтесывает идеал таким образом, чтобы он соответствовал тому, чего мы легко можем достичь. Последний подход ограничивается удовлетворенностью, самовосхвалением и нежеланием рассматривать то, как происходит ослабление демократии.

Вспомним работы американских политических ученых 1950-х — начала 1960-х годов, которые строили свое определение демократии так, чтобы оно соответствовало действительной практике в США и Британии, не учитывая изъяны в политическом устройстве этих двух стран (см., например: Almond and Verba, 1963). Это была идеология времен холодной войны, а не научный анализ. Схожий подход доминирует и в современной мысли. Под влиянием Соединенных Штатов демократия вновь все чаще определяется как либеральная демократия — исторически обусловленная форма, а не нормативный идеал (критику такого подхода см.: Даль, 2003; Schmitter, 2002). Здесь главной формой массового участия оказывается участие в выборах, широкая свобода для лоббистской деятельности, которой занимаются в основном бизнес-лобби, а политическая власть избегает вмешательства в капиталистическую экономику. Эту модель не слишком интересует широкое участие граждан или роль организаций, не связанных с бизнесом.

I. Почему постдемократия?

Согласие со скромными ожиданиями от либеральной демократии приводит к удовлетворенности тем, что я называю постдемократией. При этой модели, несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы. За этим спектаклем электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами. Эта модель, как и максимальный идеал, также является преувеличением, но в современной политике достаточно элементов, которые позволяют поднять вопрос о том, какое положение на шкале между ней и максимальной демократической моделью занимает политическая жизнь наших стран, а также определить, в каком направлении она движется. Я утверждаю, что нас все сильнее сносит в сторону постдемократического полюса.

Если я прав, то выделенные мной причины такого движения помогают объяснить кое-что еще и представляют особый интерес для социал-демократов и всех, кого волнуют вопросы политического равенства и кому, собственно, и адресована эта работа. В условиях постдемократии, когда власть все чаще оказывается в руках деловых лобби, нет веских оснований рассчитывать на сильную эгалитарную политику перераспределения власти и богатства или на ограничения влиятельных заинтересованных групп.

И если в этом отношении политика становится постдемократической, то левым предстоит пережить трансформацию, которая, по-видимому, полностью

сведет на нет их достижения в XX веке. Тогда левые боролись — иногда в условиях постепенного и преимущественно мирного прогресса, а иногда в условиях насилия и репрессий — за признание голосов простых людей в жизни страны. Не происходит ли повторного подавления этих голосов, когда экономически влиятельные группы продолжают использовать свои инструменты влияния, а инструменты демоса ослабевают? Это не означает возврата к началу XX столетия, потому что, несмотря на движение в противоположном направлении, мы находимся в иной точке исторического времени и обременены наследием нашего недавнего прошлого. Скорее, демократия описала параболу. Когда вы рисуете траекторию параболы, карандаш проходит одну из координат дважды: сначала поднимаясь к вершине параболы, а затем еще раз в другой точке на спуске. Этот образ сыграет важную роль в том, что будет сказано ниже о сложных чертах постдемократии.

В другом месте (Crouch, 1999b), как ранее было сказано в предисловии, я уже писал о «параболе политики рабочего класса», сосредоточившись на опыте британского рабочего класса. Я вспоминал, что в XX веке этот класс поначалу был слабым и отлученным от политики, но постепенно становился все более многочисленным и сильным, готовясь войти в политическую жизнь, затем ненадолго, во время формирования государства всеобщего благосостояния, кейнсианского управления спросом и институционализированных трудовых отношений, он занял центральное положение и, наконец, по мере сокращения своей численности, дезорганизации и маргинализации в политической жизни лишился своих завоеваний середины XX столетия. Эта парабола лучше всего видна на примере Британии и, возможно, Австралии: политическое влияние рабочего класса росло постепенно, а падение его было особенно резким. В других странах, где влияние также постепенно рос-

ло и ширилось — особенно в Скандинавии, — спад был куда менее значительным. Североамериканский рабочий класс добился менее впечатляющих успехов перед еще более глубоким спадом. За некоторыми исключениями (скажем, Нидерландов или Швейцарии), в большинстве стран Западной Европы и в Японии предшествующая история была гораздо более сложной и отмеченной насилием. Страны Центральной и Восточной Европы имели совершенно иную траекторию, обусловленную искаженной и извращенной формой, связанной с подчинением движений рабочего класса коммунистическим режимам.

Ослабление политического влияния рабочего класса было лишь одним, хотя и очень важным аспектом параболического опыта самой демократии. Две проблемы — кризис эгалитарной политики и тривиализация демократии — не обязательно должны быть тождественными. Сторонники равенства могут говорить, что им неважно, насколько правительство манипулирует демократией, пока богатство и власть в обществе распределяются более равномерно. Консервативный демократ заметит, что повышение качества политических дебатов не обязательно ведет к более перераспределительной политике. Но в некоторых важных пунктах эти проблемы пересекаются, и именно на этом пересечении я и собираюсь сосредоточить свое внимание. Я полагаю, что, несмотря на сохранение форм демократии (и даже их несомненное усиление сегодня в некоторых отношениях), политика и правительство все чаще оказываются под контролем привилегированных элит, как это было в додемократические времена, и что одним из важных следствий этого процесса является ослабление эгалитаризма. Поэтому винить в болезнях демократии средства массовой информации и рост влияния политтехнологов — значит не замечать куда более глубоких процессов, которые разворачиваются на наших глазах.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Ближе всего к демократии в моем максимальном ее понимании общества были в первые годы после ее завоевания или кризиса режимов, когда восторженное отношение к демократии было широко распространено, когда множество различных групп и организаций простых людей сообща стремились выработать политическую программу, отвечающую тому, что их волновало, когда влиятельные группы, которые доминировали в недемократических обществах, находились в уязвимом положении и вынуждены были обороняться, и когда политическая система еще не вполне разобралась с тем, как управлять и манипулировать новыми требованиями. Народные политические движения и партии вполне могли находиться во власти руководителей, персональный стиль которых был далек от демократического идеала, но они по крайней мере подвергались активному давлению со стороны массового движения, которое, в свою очередь, представляло некоторые устремления простых людей.

В большинстве стран Западной Европы и в Северной Америке демократический момент наступил в середине XX столетия: незадолго до Второй мировой войны — в Северной Америке и Скандинавии, вскоре после нее — во многих остальных странах. К этому времени последние крупные антидемократические движения — фашизм и нацизм — потерпели поражение в мировой войне, а политические перемены происходили одновременно с серьезным экономическим ростом, который сделал возможным осуществление многих демократических целей. Впервые в истории капитализма общее здоровье экономики стало зависеть от процветания массы наемных работников. Наиболее ярким проявлением этого стала экономическая политика, связанная с кейнсианством, а также логика цикла массового производства и массового потребления, воплощенная в так называемых «фор-

дистских» методах производства. В этих промышленно развитых обществах, которые не стали коммунистическими, между капиталистами и рабочими был достигнут определенный социальный компромисс. Взамен на выживание капиталистической системы и общее успокоение протеста против неравенства, порождаемого этой системой, бизнес научился соглашаться с определенными ограничениями на способность использовать свою власть. А демократическая политическая власть, сосредоточенная в национальном государстве, способна была гарантировать эти ограничения, поскольку фирмы в основном подчинялись власти национальных государств.

В своем наиболее чистом виде такая форма развития проявилась в Скандинавии, Нидерландах и Великобритании. В других странах имелись важные различия. Хотя Соединенные Штаты начинали крупные социальные реформы 1930-х вместе со Скандинавией, общая слабость рабочего движения в этой стране привела к постепенному ослаблению первоначальных достижений в социальной политике и трудовых отношениях в 1950-х, несмотря на то что кейнсианский подход в экономической политике сохранялся вплоть до 1980-х; лежащее в основе демократии массового производства массовое потребление американской экономики продолжает воспроизводиться. Западногерманское государство, напротив, не занималось кейнсианским управлением спроса до конца 1960-х, но при этом имело хорошо институционализированные отношения между трудом и бизнесом и в конце концов — сильное государство всеобщего благосостояния. Во Франции и Италии этот процесс был менее выраженным. Имело место неоднозначное сочетание уступок требованиям рабочего класса для ослабления привлекательности коммунизма, с неприятием прямого представительства интересов рабочих отчасти из-за того, что на роль таких представителей претендовали коммунистические партии

и профсоюзы. Испания и Португалия перешли к демократии только в 1970-х — как раз тогда, когда условия, которые обеспечивали сохранение послевоенной модели, начали исчезать, а греческая демократия была прервана гражданской войной и несколькими годами военной диктатуры.

Высокий уровень широкого политического участия конца 1940-х — начала 1950-х в некоторой степени был результатом необычайно важной общей задачи послевоенной реконструкции, а в некоторых странах интенсивная общественная жизнь сохранялась и в военные годы. Нельзя было рассчитывать, что это продлится долго. Скоро элиты научились управлять и манипулировать. Народ разочаровался, заскучал или занялся частной жизнью. Растущая сложность проблем после первых серьезных реформаторских достижений серьезно затруднила занятие сведущих позиций, продуманных комментариев, и в конце концов даже минимальное действие в виде голосования столкнулось с противодействием апатии. Тем не менее основные демократические задачи экономики, зависевшие от цикла массового производства и массового потребления, которое поддерживалось государственными расходами, оставались основной движущей силой политики с середины столетия и до 1970-х годов.

Нефтяной кризис 1970-х проверил на прочность способность кейнсианской системы управлять инфляцией. Возникновение экономики обслуживания ослабило роль промышленных рабочих в поддержании цикла производства/потребления. Последствия этого были заметно отсрочены в Западной Германии, Австрии, Японии и до некоторой степени в Италии, где рост промышленного производства и занятости на производстве не прекращался. В Испании, Португалии и Греции, где рабочий класс только начал набирать политическое влияние, которым его северные собратья обладали уже на протяжении нескольких десятилетий, дело обстояло совершенно иначе. Это

I. Почему постдемократия?

стало возможным в краткий период, когда социал-демократия словно отправилась на летний отдых: скандинавские страны, долгое время находившиеся под ее властью, сдвинулись вправо, а в правительствах средиземноморских стран левые партии начали играть заметную роль. Но перерыв не был долгим. Хотя эти южные правительства добились заметных успехов в расширении прежде крайне ограниченных социальных государств в своих странах (Maravall, 1997), социал-демократии в этих странах укорениться так и не удалось. Влияние рабочего класса было гораздо слабее, чем во времена промышленного расцвета.

В Италии, Греции и Испании дела обстояли еще хуже: правительства этих стран погрязли в скандальной политической коррупции. К концу 1990-х стало ясно, что коррупция ни в коей мере не ограничивается левыми партиями или странами Южной Европы и что она стала распространенной чертой политической жизни (Della Porta, 2000; Della Porta and Meny, 1995; Della Porta and Vannucci, 1999). Коррупция служит важным показателем того, что демократия больна, что политический класс стал циничным, аморальным и огражденным от надзора и общества. Печальный урок, который преподали нам страны Южной Европы, а вслед за ними и Бельгия, Франция, отчасти Германия и Великобритания, заключался в том, что левые партии ни в коей мере не свободны от феномена, который должен быть анафемой для их движений и партий.

К концу 1980-х глобальное дерегулирование финансовых рынков сместило акцент экономического развития с массового потребления на фондовую биржу. Сначала в США и Британии, а вскоре и в других странах максимизация акционерной стоимости стала главным показателем экономического успеха (Dore, 2000); споры о более широкой акционерной экономике стали очень тихими. Везде доля дохода, получаемого трудом, а не капиталом, которая постепенно росла